

Очерк состояния Горицкой обители за XVII и XVIII столетия

Тяжел был для северного края Руси 1612 год. Литва и шайки поляков с казаками и русскими лихими людьми, отогнанные полками князя Пожарского от Москвы, направились к северу, все громя и разоряя на пути. Вологда и Бело-озеро были взяты ими и сожжены. На севере осталась одна твердыня — Кирилло-Белозерский монастырь. Паны со своими разбойничьими ватагами, подойдя к нему, утвердились станом недалеко от него, в деревнях Уломской волости и оттуда делали постоянные набеги на окрестные селения. Два раза подступали они и к Кирилловой обители, но безуспешно. В 1612 году 5 декабря польские и литовские люди подошли к Воскресенскому Горицкому монастырю. Были ли приняты какая-либо меры защиты в Горицкой обители, неизвестно. Монастырь, кроме деревянной ограды, не имел никаких укреплений. Поэтому весьма возможно, что игуменья Феотиния с сестрами нашла себе убежище или в стенах Кириллова монастыря, или скрывались в каком-либо другом месте. Это тем более вероятно, что нет достоверных известий о несчастьях с инокинями в то время, и о нашествии 5 декабря только сказано: «Церкви Божии обругали и престолы разорили». Предание добавляет, что в церкви Вознесения святотатцами были поставлены кони. Впрочем, из жалованной грамоты на имя игуменьи Анфисы с сестрами упоминается, что в 1612 году в декабре месяце 5 числа

монастырь поляками и литовцами был разорен, а церковь Божия поругана и обращена безбожными людьми в скотное стоялище. Обитательниц монастыря варвары нещадно били и некоторые в ужасных муках умирали, некоторые же успели скрыться. «В это же время сполошное поп Данило потерял самопал Кирилловский». Хозяйничанье панов в окрестностях монастыря не было продолжительным. Литовские и польские люди частью были перебиты, частью сами погибли; оставшиеся же были прогнаны дальше к северу в Каргопольский и Вытегорский уезды, где они окончательно и погибли. В следующем 1613 году, после нападения литвы на обитель игуменья Фетиния с сестрами были уже в своем монастыре и мирно занимались своими иноческими делами.

Первою заботою игуменьи было получить вновь подтверждение льгот и жалованья, дарованных монастырю прежними царями. Игуменья Фетиния с сестрами подали челобитную к избраннику земли русской, юному царю Михаилу Феодоровичу, в которой между прочим, писали, что жалованья грамоты царей Иоанна Васильевича и его сына Феодора Ивановича в литовския разорения утерялись, остался у них с тех грамот один только список и просили дать новую грамоту.

Такая грамота была дана в 1613 году в 6 день месяца августа. В ней подтверждался приказ о хлебной руге в прежнем его размере, а также была дарована, кроме хлебной, денежная руга. «А деньги давать им велеть Белозерским таможенным головам из таможенных пошлинных доходов или рыбным целовальникам из рыбных доходов игуменьи три рубля, да семидесяти старицам по полтине старице; да двум попам по 5 рублей, диакону 3 рубля, а в трапезу на дрова 10 рублей, да за два пуда воску 4 рубл. да за десять фунтов ладону 2 руб., да на панихиды по нашим царским родителям по четыре пуда меду, да на просфоры три пуда соли, да игуменье три пуда соли, да семидесяти старицам по пуду соли старице.

А давать им то наше царское жалованье на срок Рождества Христова ежегод безпереводно, чтобы им было безволокитно и к Москве им для того не ездить. А давать хлеба и деньги, и соль на лицо, сколько в котором году будет, а за очи никому не давать». В 1626 году, когда по царскому указу были спешно переписаны все монастыри Белозерскаго края, с их имуществом, Горицкий монастырь по прежнему получал денежную и хлебную ругу, согласно жалованной грамоте 1613 года. В следующем за тем году хлебную ругу монастырь стал получать деньгами, но те и другие деньги Белозерские таможенные головы выдавали не помногу и с большой волокитой, так что нередко случалось, что монастырю хлеба купить было не на что. Игуменья Феврония с сестрами обратилась челобитно

к государю, чтобы им, по примеру Нило-Сорскаго скита*, выдавали царское жалованье на Вологде, без московския волокиты, сроком на Рождество Христово, о чем последовал январский указ царя Михаила Феодоровича таможенным Вологодским головам в 1643 году. В 1652 году царь Алексей Михайлович грамотою своею от 13 декабря повелел отпускать по ведру в год вина церковнаго, «чем бы Божественная литургия служить и за царское многолетное здоровье Бога молить». При царе Алексее Михайловиче грамотою был точно определен размер жалованья как за хлеб, так и денежнаго. Этою грамотою, за приписью дьяка Андрея Немирова, определялось царское жалованье в таком размере: Игуменья Фетинья (1652-1654 г.) государева жалованья 3 руб. и взамен ржи и овса 7 руб. 42 алтына 4 деньги; 68 сестрам жалованья 34 руб., да взамен хлебной руги 148 руб. 31 алтын 4 деньги и за соль 7 руб. 18 алтын 4 деньги; двум попам жалованье 10 руб. и взамен хлеба 15 руб. 7 алтын 3 ден.; диакону 3 руб. и взамен хлеба 5 руб. 7 алтын 2 ден., всего же монастырь получал 262 руб. 23 алтына 4 деньги. Это по тому времени была довольно значительная сумма. В таком виде царское жалованье монастырю и его насельникам оставалось долгое время, но получать его, как на Беле-озере, так и на Вологде было не всегда легко, везде требовались волокиты и издержки.

Помимо дорог и содержания во время хлопот о жалованье, нужно было держаться еще на подарки «в почесть» таможенным головам и приказным за разныя услуги. Получал жалованье большою частью один из священников, иногда диакон и редко — одна из стариц.

Царское жалованье служило основным средством для содержания монастыря. Все остальные источники доходов, как это видно из приходо-расходных книг Горицкаго монастыря за XVII век, не превышали ежегодной царской руги. К таким доходам относятся: сбор за перевоз чрез реку Шексну в годину преп. Кирилла²⁹ и в Успенев день, оброк с бобылей, живших на монастырской земле, арендная плата за сенокосы, расположенные по реке Шексне и неудобные для пользования самому монастырю, часть молебных денег, вклады доброхотных жертвователей, вклады при пострижении. Обычной платы при поступлении в монастырь считалось пять рублей, состоятельные постриженницы давали более. Вклады в монастырскую казну посторонних лиц делались деньгами, но чаще всего какими либо вещами. Между вкладчиками значатся многия именитыя лица.

* В 14 верстах от Горицкаго и в 15 в. от Кирилловскаго монастырей.

Из описных книг 1658 года видно, что находящееся в соборной церкви Воскресения Христова паникадило было пожаловано в монастырь царем Михаилом Феодоровичем. Вот его описание: «пред Иисусом паникадило медное, литое травами, яблоко прорезное; а у паникадила привешено стрефикумилово яйцо³⁰, на яйце перекресток и гнезда, да два кольца серебряны, кисть шелка золотом о тридцати подсвешниках».

Царь Алексей Михайлович в 1653 году пожаловал на церковное строение сто рублей, а царица пять рублей. Но число именитых вкладчиков не было велико: между ними упоминаются князья Шехонские, Воротынские, Голицевы³¹, бояре Шереметевы, Хитрово, Собарины, Хатунские, Стрешневы, Ошушковы и другие.

Средства монастырской казны были так незначительны, что часто встречались затруднения при поддержании монастырских строений в надлежащем порядке. Так, например, о церквях в описи 1658 года сказано: «ветхи, во многих местах нарушилось и впредь тому строению без починки быть нельзя». Но несмотря на скудость средств, необходимые постройки в монастыре производились. Обители помогали жившие в ней старицы, располагавшие своими средствами.

В 1625 году был срублен новый храм Введения Преч. Богородицы, стоящий за монастырской оградой, а в следующем году он был освящен. «При этом, на священии церкви Введения Пречистыя Богородицы, — записано в приходе-расходных книгах игумении Февронии, — куплено ячмени на 15 алтын, хмелю на 7 алтын 3 деньги, рыбы всякия на 37 алт., масла на 4 алтыни».

В 1658 году были произведены более капитальные постройки и ремонты. «Кириллова монастыря каменщик Ивашко Шабан... у каменных церквей сделал с зимнюю сторону крыльцо каменное, на три схода, на четыре столпа, на паперть лестницу, в трапезу с летнюю сторону два крыльца, колокольню к церкви и к трапезе связями укрепил, у трапезы своды вновь перебрал, стены и окна починивал и связями железными укрепил, из под трапезы на кровлю трубу переделал... сделал с зимнюю сторону под крыльцом две палатки, над верхним крыльцом палатку же, да к церкви Пречистыя Богородицы Одигитрии, и в олтаре и в трапезе и паперте и стены известью обелил».

Горицкий Воскресенский монастырь всегда был замечателен многолюдством обитавших в нем инокинь. В этом отношении он превосходил все остальные мужские монастыри Белозерского края и уступал только Кирилловой обители.

Число сестер определялось царским жалованьем, положенным монастырю на семьдесят стариц. За XVII столетие редко их бывало меньше семидесяти, обычно же там жило значительно более, почему

царскую ругу некоторым из монахинь приходилось давать в половинном размере.

Горицкий монастырь до прошлого столетия был особно-житным. Связь между старицами поддерживалась только общею церковною молитвою и подчинением одной игуменье. Внесши плату на пострижение, каждая из вновь поступающих стариц должна была заводить для себя келлию которая и считалась полною ея собственностью. Старица могла свою келлию продавать или уступить кому-либо по своему усмотрению. О своем пропитании старицы также должны были заботиться сами. Только в редких случаях, особенно бедным или немощным, по определению собрания всех стариц, выдавалось небольшое вспомошествование. Так под 1658 годом помечено: «старице Марине по словестному приговору Горицких стариц дано милостыни 8 алтын 2 деньги».

Состоятельные из инокинь не только заводились богатыми келлиями в монастыре, но иногда за монастырем имели свои огороды и коровьи дворы. А ряд именитых стариц не прерывался и в XVII столетии. Так здесь жили княгиня Елена Черкасская, княгиня Анна Трубецкая, княгиня Мария Воротынская, княгиня Дарья Силкова, княгиня Ирина Мстиславская, Марфа Полева³². По любви к обители особенно замечательна старица-княжна Досифея Черкасская, жившая здесь во второй половине XVII столетия. Из рода князей Черкасских, состоявших в близком родстве с царствующим домом Романовых, в Горицком монастыре за этот период времени проживало несколько стариц. Во время страшной моровой язвы 1654 г., посетившей Русскую землю, на дворе князя Якова Кудентовича Черкасского осталось в живых всего 110 человек, а умерло 423 человека. После того, дочь его видим в инокинях Горицкаго монастыря, под именем Досифеи. Вследствие ея челобитной, в которой старица-княгиня писала, что «против ея келлии, близ монастыря у ограды подле игуменьин огород луговое место, а изстари то место было огородное до пахотной земли» и просила «велеть ту землю ей под огород про ее обиход для овощу отвесь». Симон, Архиепископ Вологодский и Белозерский грамотою 1682 года от 7 мая приказал отдать в пользование просительнице это место.

Великая старица княжна Досифея Черкасская представилась в 12 день месяца июня 1689 года. После ея, помимо многих вкладов, в монастыре остался прекрасный синодик, где в конце записан род князей Черкасских с указанием дней годов их кончины.

Из лиц, живших в Горицком монастыре в ссылке замечательна царица Касимовская, Фатма Салтансейтовна, мать царевича Василия Ярославича³³. Она была сослана сюда под строгий надзор, и в 1658

году, по грамоте Патриарха Никона, была освобождена из заточения и отправлена на свое прежнее местожительство в город Касимов³⁴.

Во главе монастыря стояла игуменья. Избрание ее производилось на общем собрании стариц, а утверждение и благословение на должность зависело от вологодских Архиепископов, под властью которых в то время состоял Белозерский край и вместе с ним и находящиеся в нем монастыри³⁵. За благословением нужно было ездить на Вологду, причем не обходилось без издержек.

В 1658 году к «Государю архиепископу Маркелу к Вологде, записано в приходе-расходных книгах монастыря, — игуменья Марфа ездил для благословенья в игуменьи, с ней были старицы Еликонида да Февронья, да дьякон Исак, да трое проводников — горицкие бобыли с подводами. Издержано езда семи человекам на хлеб и на харч и лошадей на корм и на постоялое 2 рубля 20 алтын 5 ден. На Архиепископском дворе приказным и подьяком и певчим в почесть деньгами и рыбою, и калачей, и ковшей и братынь и ложек на 7 рублей». Помощницами игуменьи по заведыванию монастырскими делами были соборныя старицы.

В 1658 году их было 8 человек. Ближайшею сотрудницею игуменьи состояла казначея, которая вела запись приходу и расходу монастырским; на их же ответственности лежала и казна.

В 1659 году «лихие люди из церкви Воскресения Христова из придела чудотворца Кирилла из ризницы из коробки покрали приходные деньги 65 руб. 17 алтын 5 денег»; сумму по тому времени довольно немаловажную. По грамоте Маркелла, архиепископа Вологодскаго и Белозерскаго, те деньги были доправлены на бывшей тогда игуменье Мавре и на казначее и отданы в монастырскую казну в приход старице Еликониде с сестрами.

Из должностных лиц монастыря упоминаются также просфирни, пономари, воротницы, клирошанки. Некоторые из стариц посылались для сбора доброходных подаваний для монастыря.

Для отправления богослужений при монастыре состояли два священника и дьякон. Один из священников был при церкви Введения, находящейся вне монастыря; в его пользование была предоставлена пустошь Близнецово. Замечательно, что монастырь заботился не только о содержании своего причта, но и после смерти кого-либо из него призывал и материально поддерживал осиротевшее его семейство. Так, в 1648 году игуменья Февронья, умирая, завещала по духовной дать вдовой попадье Капитолине с детьми 37 руб. 24 алтына 4 ден., каковое завещание по челобитью горицких монахинь и было утверждено к исполнению Московским Патриархом, предписавшим выдать означенныя деньги из монастырской казны.

Монастырь в XVII веке, хотя и был многолюден, но, как видим, не был богат. Поэтому и слуг у монастыря было немного, не более двух сторожей, на обязанности которых, между прочим, лежал перевоз чрез реку Шексну.

Горицкий Воскресенский монастырь владел тарханною грамотою, много раз подтвержденною царями, по которой под страхом царской опалы запрещалось в чем-либо обижать и притеснять игуменню со старицами или каких-либо их людей. Но на деле выходило иначе. Да и трудно было прожить без обид и притеснений в такое время, когда щадили только сильного. Первые столкновения произошли с прикащиками и крестьянами государевой езовою волости Федосьина Городка.

Под самым монастырем была слободка, где жили церковный причт и сторожа, и при ней чрез реку Шексну перевоз, пожалованный монастырю еще Иоанном Грозным. В 1613 году игуменья Фотинья с сестрами жаловались, что прикащики и крестьяне Федосьина Городка «то у них церковную деревню отнимают и луги травят и пригораживают к своей земле и пастухов монастырских бьют и перевозник отнимают и чинят им великое насильство».

Еще большую обиду наносил монастырю князь Авраамий Васильевич Шелешпальский да Сидор Белозерец с товарищами. В 1653 году 14 октября прибыли они в Горицы и пьяные пошли в кельи ко старицам, принуждали их пить вино и некоторых насильно увлекли с собою в сторожню.

Немало игуменни приходилось также терпеть и от кабацких голов.

В дни, когда в Горицах бывало большое стечение народа, приплывали они под монастырь по Шексне реке в стругу целовальников с питьем — с вином и пивом. Целовальники пред самыми монастырскими воротами ставили строение для продажи вина, и тут начинался грубый разгул пьяных людей, не щадивших ни святости места, ни скромности инокинь, покинувших по своей любви к Господу грешный мир с его утехами.

Таким образом, Горицкий монастырь сам собою не был в силах защищаться от обид и нуждался в другом сильном заступнике.

Игуменья с сестрами обратилась к царю Михаилу Феодоровичу, чтобы охрану их поручил Кирилловскому монастырю; и от 18 июля 1638 г. царь писал игумену Кириллова монастыря Феодосию «оберегательную грамоту». Но эта царская грамота скоро «утерялась», поэтому игуменья Александра обращалась к царю Алексею Михайловичу за новой такой же грамотою, которая и была дадена 31 июля 1649 года архимандриту Кириллова монастыря Афанасию с братиею. В этой оберегательной грамоте писалось: «И вы от Белозер-

скаго уезда Воскресенскаго девича монастыря из Гор игуменью Александру с сестрами и попов и дьяконов и сторожей и бобылей от воевод и ото всяких приказных и от сторонних людей и от обид оберегали и во всем их ведали и расправы меж ими чинили, чтоб им налоги и тесноты и убытков и продаж никаких ни от кого не было». До оберегательной грамоты 1638 года, Кириллов монастырь, как мы видели раньше, принимал близкое участие в Горицком монастыре; теперь же его отношения к обители определились точнее, получив законное основание в царской грамоте. По требованию этой последней на обязанности Кирилловских властей лежало как охранение игуменьи с сестрами от внешних обид, чинимых им от посторонних людей, так и заведывание и расправы в их внутренней жизни («и во всем их ведали и расправы меж ими чинили»).

По сохранившимся данным видно, что «оберегание» выразилось в том и другом направлении.

Так при перемене игуменнии в монастырь Кирилловския власти посылали для приема имущества монастырскаго и переписки его чернаго священника или кого либо из монастырских слуг. Составлялись «описныя книги», по которым новая игуменья принимала и потом сдавала монастырь.

От XVII века остались четыре описныя книги: 1651 года 12 января чернаго попа Иова Шельскаго для игуменьи Фотии; 1658 года января 9 дня слуги Кириллова монастыря Фильки Ерастова игуменье Мавре Волоцкой, 1681 г. декабря 26-го игуменье Евфросинии Воробиных и 1685 г. октября 1 келаря-старца Александра игуменье Коромыслове. Этим описным книгам мы обязаны сведениям о церквах и постройках Горицкаго монастыря за XVII век.

Хотя в монастыре было постоянно два священника, но очевидно не все инокини пользовались ими, как своим духовным отцом. Часты сведения, что некоторые старицы своими духовниками имели священников Кириллова монастыря. Даже поставление во игуменью производилось по благословию не священниками Горицкаго монастыря, а духовником Кириллова.

Как известно, суд и расправа меж инокинями по оберегательной грамоте были вручены Кирилловским властям. При выборе игуменьи Фотинии (1650 г.) произошли беспорядки, причем одна из стариц Платонида Осокина лично оскорбила игуменью. Из Кириллова послали чернаго священника Матфея спросить по иноческому обещанию обидчицу и о том составить «доездную память». По разборе дела старица Платонида за оскорбление игуменьи уплатила пять рублей пени, как того требовало соборное уложение царя Алексея Михайловича.

Во время управления Горицкою обителью игуменьи Марфы произошли денежные недочеты. Старицы донесли об этом в Кириллов. Для следствия по делу был послан в 1658 году Кирилловскими властями Филька Ерастов, который, выслушав стороны, «написал четные заручные сказки». Игуменья Марфа была отставлена от управления обителью.

При производстве каких-либо больших строительных работ в Горицах заведование и наблюдение за ними лежало на келаре Кириллова монастыря. Так это было в 1658 году, когда прикладывали к Воскресенскому собору крыльца и ризничью палатку, так было и в 1693 году, когда Горицкую обитель пришлось поправлять от разрушения, произведеннаго пожаром.

Случилось это так: в апреле месяце 1693 года приехали с Бела-озера на стругах целовальники с питием и стали против монастыря. Открылся дикий разгул, во время котораго пьяными людьми по неосторожности был подожжен Горицкий монастырь, который и сгорел чуть не до тла.

«В том монастыре на церквах Божиих кровли и в церквах иконы, книги и ризы и всякая церковная утварь, и кельи со всяким строением и с запасы и с рухлядью, и около монастыря ограды без остатку сгорело. И после того, — писали старицы в челобитье царю, — пожарнаго разорения тех церквей и около монастыря ограды и своих келий построить нечем, потому что место пустынное и безкладное, вотчин нет и не бывало ни единого двора, питаются Государевою милостию ружным жалованьем... и пожаловали бы их, чтоб их Царское богомолье не запустело и им обещания своего не отбыть и скитаться по мирским домам, голодною смертию не помереть». Челобитье было уважено. Грамотою от 5 августа цари Иоанн и Петр Алексеевичи пожаловали на монастырское строение триста рублей, каковыя деньги было приказано выдать на Вологде из таможенных доходов, и грамотою от 11 августа «у дела строения великие государи быть повелели Кириллова монастыря келарю старцу Никифору Сыргинскому. А сколько какова леса у ково имянно и почем ценою, — сказано в этой грамоте, — в порядке или покупке и в какую меру толщиною и длиною будет и что того лесу на церкви Божии и на ограду и на иное какое строение пойдет, и то все велеть в книги писать имянно, да и о том к нам, Великим Государям, писать отписку и покупным лесным и всяким припасом записныя книги велеть подать в приказе большия казны боярину нашему князю Петру Ив. Прозоровскому с товарищами». Как пожар, так и постройки монастыря производились при игуменье Анфисе (1690-1713 гг.).

Существование Горицкаго монастыря в XVIII веке продолжалось на прежних основаниях.

Преобразованиями Императора Петра Великого силы русского народа главным образом были направлены на изучение и усвоение благ европейской образованности, и русские люди, особенно переводные, перенимавшие с Запада более отрицательные, чем положительные стороны жизни, мало-помалу начали оставлять свое древнерусское благочестие, создавшее и поддерживавшее православные иноческие обители. Результатом сего явилось то, что вклады в монастыри почти прекратились, а также не шли уже туда и именитые иноки и инокини, как это было прежде.

Поэтому и Горицкий монастырь оскудел и старицами, и материальными средствами, особенно же после 1764 года, когда были утверждены штаты³⁶. Тогда лежащая вокруг монастыря земля была отобрана в казну или отрезана в пользу слобожан под пашню и сенокосы. Древнее царское «богомолье» осталось только на четырех десятинах земли; возле самой ограды монастыря проходили уже крестьянские наделы. Это было, можно сказать, самое трудное время для обители, но оно окончилось стараниями великой подвижницы — праведницы игуменьи Маврикии (в схиме Мария), которая 45 лет управляла обителью и привела ее в тот цветущий и внешний вид, в каком она состоит и в настоящее время.